

«СНЕГ ЦЕЛУЕТ ЗЕМЛЮ...»

Александр Гаврилович Нестругин родился в 1954 году в селе Скрипникове Калачеевского района Воронежской области. Стихи публиковались в журналах «Русское эхо», «Дон», «Подъём», «Простор», «Сура», «Сельская новь», «Молодая гвардия», «Наши современники», «Роман-журнал – XXI век», «Новая книга России» и других, в газетах «Российский писатель», «Литературная Россия», «Литературная газета», в альманахе «День поэзии». Автор пяти сборников стихотворений. Лауреат премии воронежского комсомола имени В. Кубанева, всероссийской литературной премии «Имперская культура» имени Э. Володина. Член Союза писателей России. Живёт в Воронежской области.

Когда-то Диана Кан, человек щедрой души, прислала мне из города Новокуйбышевска Самарской области первую книжку своей ученицы Карины, участницы народного творческого объединения «Отчий дом». Была она беззащитно-тоненькой, но я уже успел к тому времени сделать для себя, может быть, и поспешный, но вполне искренний вывод: «А стихи — это тонкие первые книжки, // что стесняются юной своей худобы».

И то, что книжка Карины тоже «стеснялась», меня не смутило. Насторожило другое: уж в очень юных годах для автора поэтического сборника пребывала начинающая поэтесса. А у меня к ранним дебютам отношение двойственное. Да, история русской литературы знает немало случаев раннего проявления поэтического дара, достаточно вспомнить Михаила Лермонтова, Сергея Есенина. Из своих сверстников могу назвать Николая Дмитриева. Но это

были именно «случаи» — единственные в своём роде; а сколько их было, сбитых с толку юных «звёздочек» — и горьких прозрений потом, и жестоких разочарований, и разбитых судеб...

Каких-то строк из той первой книжки подающей надежды новокуйбышевской поэтессы К. Сейдаметовой у меня в памяти не осталось. Зато осталось ощущение: в строках тех, во многом наивных, порывистых и угловатых, сквозил простор русской равнины и тянуло холодком судьбы — едва ли не случайно угаданной, ещё не случившейся, только брезжащей, но неизбежной. А ещё проступал характер, тот самый, который потом отольётся в чеканные, так и хочется сказать — «не женские» максимы:

Я — не перчатка и не груша.

Я — удар.

И — беркута прицельное

круженье.

Об этом стержне, позволившем поэтессе, отдав лишь малую дань расхожему «ученичеству», рано обрести глубокое лирическое дыхание и штучную поэтическую интонацию, говорят теперь многие понимающие толк в поэзии люди. И неслучайно своё вступительное слово к книге Карины Сейдаметовой «Вольница» поэт Николай Коновский начинает с цитаты, где первая строка взблёскивает, как остро отточенная казачья шапка: «Нрав мой — клинок стальной. А ты думал — шёлк?»

Скажу об этом и я, только в несколько ином плане. Но сначала небольшое предисловие, без которого здесь не обойтись. Я думаю, что поэтический характер (и голос, которому под силу «глаголом жечь сердца людей») вырастает не сам собой и, тем более, не из площадного гула, не из трибунного пафоса. Например, выдающийся поэт XX века «горлан-главарь» Владимир Маяковский пришёл в поэзию, как сдаётся мне, вовсе не из «ста томов партийных книжек», а из... «Облака в штанах». Он, бронзово-монументальный, учивший даже, «как делать стихи», на самом деле вырос из чувства — тонкого, ранимого, незащитного, рвущегося в груди перетянутой зябкой струной: «...сердце возьму, // слезами окапав, // нести, // как собака, // которая в конуру // несёт // перееханную поездом лапу».

Не стану уверять вас, уважаемые читатели, что моё скромное суждение является новым и, тем более, значительным. Оно и ни к чему: зачем мне литературоведческие лавры? Но своё знакомство с творчеством всякого поэта, в том числе и по-хорошему громкого, я начинаю именно с этого: с поисков растерянной или восхищённой немоты, перехватывающего горло молчания-шёпота, той самой «перееханной поездом лапы». И, как правило, поиски мои не бывают напрасными. Потому что поэзии — даже самой уверенной в себе, умеющей брать высоты и стоять насмерть — без этого не бывает.

Без удивления, самого наивно-го, самого детского, «распахнуто-глазого», за которое тебе, читателю, по-взрослому боязно.

Без отчаяния — «бойца без правил», с поставленным ударом, но не слишком стойкого, с коротким дыханием.

Без боли, похожей на сдавленный, зажимаемый руками во рту крик — или на тёмную комнату с задёрнутыми шторами, сквозь которые, где морщинка-щёлочка, пробивается тонкий свет.

И все высокие поэтические смыслы вырастают, по сути, из «ничего» — из крохотного лирического переживания. Но переживание это, к счастью, не оплатишь «бумажной мелочью»: ни блёстким словом, ни ловким жестом. Только чувством — глубоким, подлинным, тобою пережитым...

С Кариной Сейдаметовой, уже не юной девушкой из самарской глубинки, а имеющей имя, много публикующейся московской поэтессой, я познакомился в октябре 2019 года в Воронеже на межрегиональном совещании молодых литераторов «Школа Андрея Платонова». Оба мы были руководителями поэтических семинаров, и хоть семинары нам выпали разные, это не помешало, что называется, «увидеть» друг друга, обменяться книгами. А у меня есть дурная привычка: подаренные коллегами книги я, прежде чем определить на полку, не пролистываю наискось, а читаю. Ну, а тут ещё такая трогательная предыстория...

И увиделось, открылось за яркой дверью-обложкой подаренной автором книги «Вольница» именно то, что я с терпеливой надеждой ищу в каждом попавшем мне в руки поэтическом сборнике. Что? Ну, я же выше всё уже объяснил...

Я помню из детства:

мы с папой в апреле,

В полуденном парке

с названьем «Дубки»

Катались на яркой,

большой карусели.

Был полдень крылат,

были мысли легки.

Кажется, вот оно, карамельное детское счастье: весна, уносящая из обыденности в сказку карусель, надёжные папины руки, не дающие оступиться закружившейся дочурке. Но как хрупко, как неверно оно, это запыхавшееся детское счастье:

Там я проглотила

солёную льдинку.

Спросила отца:

«Ты от нас не уйдёшь?» —

«Дочурка, дочурка,

родная кровинка...

Когда повзрослеешь,

простишь и поймёшь...»

И вместо «Клубники со сливками» у счастья уже кисловатый привкус барбариски во рту. Всезнающая наша взрослость, конечно, сделает умное лицо: «Ничего страшного, в жизни такое нередко случается». Только вот

всегда ли права она, всезнающая
наша взрослость?

И я повзрослела,
и даже простила.

Но не поняла,
не хватило мне сил,

Какая неверная сила царила,
Как мама молчала...

Отец уходил.

«Отец уходил» — всего два слова, от которых во рту уже не барбарисово, а солоно. И останавливается карусель, большая и яркая. И рушится мир — огромный, тёплый, ещё мгновение назад прижимавший тебя к своей груди. Так просто — и так серьёзно всё, если вдуматься. Не здесь ли он и берёт начало, тот самый характер, который, выстояв, спустя годы даст эту запоминающуюся поэтическую самохарактеристику: «Я — удар»?

Впрочем, характер — это не только ссадины, обиды, разочарования, преодоления. Это ещё и «Новокуйбышев. Бабушка Анна». И деревня Марьевка, где будущая поэтесса «девочкой маленькой //взрастала день ко дню», извечным способом «взлётов и падений» укрощала норов старого дедушкиного «лисапеда». И чувство, без которого не родились бы эти светлые, «летающие» строки:

Ты снишься, как черёмуховый
ветер.

По-майски ясно и светло
в саду...

Любовью дышат душные
соцветья,

И я по саду, юная, иду.

Несмелая, иду под вздох
черёмух,

Себя на «до» и «после» не деля.

Мой самый точный, самый
важный промах —

Жить начинаю набело, с нуля.

От характера лирической героини неотделим и столь неординарный её старший литературный друг «дядя Женья» (кажется, я его знаю!), с которым можно поговорить «за жизнь» запросто, без обиняков:

Меня влечёт литература

И вдохновения полёт...

А дядя Женья крикнет: «Дура!» —
И по второй восклень нальёт.

Наши разливной самарский гений
Всё норовит меня послать

Подальше от «чудных мгновений»
Хмельное счастье пытаться.

И даже Маяковский, как кому-то могло показаться, не слишком к месту «пристёгнутый» автором этих строк к своим заметкам, здесь вовсе не лишний — как тот оселок, на котором как раз и оттачивается характер:

Ты давненько про всё
рассказать хотел.

Вот, мол, был Маяковский
чудной мужик!

От идейных тем до лилейных
тел,

Маяковский был из чумных
прожиг.

Да, видать, притвора ты
из притвор.
Ажи прилежно талантливый
ученик.
Расскажи мне, как дружат
с тех давних пор
Маяковский, Ося и Лиля Брик!

И как мало он значил бы, ха-
рактер этот, без вот уже совсем
«взрослого», пристального и чест-
ного осмысления жизни целого
поколения:

Что внукам своим мы
однажды ответим –
Ответ не готов и не нов...
Что помнят забывшие,
бывшие дети
«Лихих девяностых годов»?
Взрослея до срока,
подростки-подранки,
Под стадный разгром
площадей,
Мы помним, как двигались
русские танки
На русских угрюмых людей.

Нередко, говоря о поэзии
Карины Сейдаметовой, отмеча-
ют прежде всего тяготеющую к
фольклору напевность, лексиче-
скую щедрость, простор и удаль,
которые так естественно и радост-
но впитаны «вольницей-иконни-
цей» её размашистых, сильных,
уверенных в себе строк. Всё это
в стихах поэтессы есть, причём
без примеси лубка и картона те-
атральных декораций, навязшего
в зубах фальшиво-исконного «Ой
ты гой еси!».

Как вдоль бережка, вдоль
правого
В роце зреет чернотал.
Принимай меня, удалого,
Батька Гурьев, брат Урал!

Здравствуй, вольница-иконница,
Крепь охранная страны.
Покрестясь, казак поклонится
На четыре стороны.

И тут же – о другом, но столь
же естественно и самобытно:

Погоди, скорым-скоро
в проталинках
Расшалится марток-зимобор,
А пока все бока о завалинку
Лютень – снежный котейко
обтёр.

Но яркость этой фольклор-
но-сказовой «картинки» порой
сбивает нас, читателей, с толку,
застит нам глаза. И за кадром
остаётся так много иного, тон-
кого и болевого; и образ лириче-
ской героини (ну, ладно, пусть
будет – автора, если вам так
удобнее) начинает приобретать
черты лишь некоей современной
амазонки с пашкой в нетерпели-
вой руке. При всей моей глубокой
симпатии к поэзии мужественной
и духоподъёмной (здесь К. Сей-
даметова на голову выше мно-
гих «изящнословных» предста-
вителей «сильного» пола), такое
слишком уж линейное истолкова-
ние кажется мне поверхностным,
обедняющим творческую палитру
поэтессы.

И ещё об одном важном для понимания стихов Карины Сейдаметовой обстоятельстве нужно сказать. О том, что... Впрочем, дадим сначала слово самой поэтессе:

*То тюркская, то скифская
царевна...
Две крови древних напитали
вены,
Сражаются, вращая жизни ось,
В них страсть и нежность,
доброта и злость.*

Эти первые строки заглавного, неслучайно вынесенного в начало книги стихотворения создают напряжение, как электрическое поле: ведь две крови, призванные продолжить жизнь, «сражаются». Но в поле поэтическом выход всегда находится — порой неожиданный, парадоксальный:

*Две стороны одной луны
мерцают.
И я за обе, как могу, молюсь...
Когда клянут друг друга
Золотая
Орда-беда и грусть-Святая Русь.*

Ключевое слово здесь — «молось». Именно оно возникшее напряжение утишает, заземляет. И не вдруг понимаешь, что молится-то русская поэтесса, «то тюркская, то скифская царевна» Карина Сейдаметова не столько за себя, сколько за нас, её читателей, её соотечественников. За нас, в чьих жилах за тысячелетияросло в одно столько родов, воинственных и мирных,

«кочевых и боевых» — пальцев обеих рук не хватить сосчитать. Выписывать в себе ту кровь, которая тебе больше глянулась, делить текущую по твоим жилам жизнь, склонять её «по родам» дело не просто пустое — самоубийственное, гибельное. Все мы, сроднившиеся за века, должны, конечно же, образно говоря, помнить своё отчество, но служить — Отечеству. Кто-то с этим не согласится — дескать, звучит слишком пафосно, лозунгово. Но у поэзии свой язык и своя правда; может быть, она сумеет сказать главное о нас так, что мы сумеем себя услышать?

*Наследье предков –
роковая мета!..
Не потому ль характер
мой суров?
В нём царствует
татарин Сейдаметов
И властвует казак –
Пономарёв?*

*Правители судьбы
моей строптивой,
Два рода: кочевой и боевой –
Кресало и кремь, а я – огниво
Фамильной жгучей
связи родовой!..*

Казалось бы, биографические «меты» расставлены здесь таким образом, что это не позволяет прийти к иному выводу: поэтесса говорит о себе. Но поэтическая речь тем и дорога нам, что не даёт втиснуть себя в рамки грамматически-бухгалтерского

построчного толкования. И вот уже я, читатель, вместе с автором молюсь (тоже — «как могу») за то, чтобы «две стороны одной луны» срослись, слились в одно не только в предельно искренней поэтической строке, но и в жизни — такой большой и сильной, вместившей миллионы маленьких человеческих судеб, горящей своим историческим величием, но в минутных ли, вековых ли обидах становящейся порой такой уязвимой, такой хрупкой...

Чувствую, что подзатынулись мои субъективные «вольные заметки», пора их заканчивать. Тут бы самое время молвить что-нибудь этакое — весомо-грубо-зримое, монументально-скрижальное. А я опять за своё...

Думаю, собранным в книге «Вольница» стихам автором не зря предпослано посвящение: «Светлой памяти моего отца — Сейдаметова Константина Валентиновича». И неслучайно родился у автора этот поэтический образ:

*Всё-то ты приемлешь,
Русский человек!..*

*...Снег целует землю,
Белый-белый снег.*

.....

Ну, а если в зиму

Снега намело —

Это чтоб могли мы

Просто и светло

Вспоминать, приемля

Грусть земных сердец, —

Снег целует землю.

Снег... и мой отец.

Не зря, неслучайно... потому что без чувства трудного и горького, но хранящего и возвышающего душу родства, без боли и памяти, без сострадания и милосердия, без этого вот обращённого к отцу сентиментального «И вспомнится до слёз, // как ты меня любил!..» не было бы этой книги. И не было бы даровитой, с неломким голосом русской поэтессы Карины Сейдаметовой, огнива её строк, впитавших в себя горячую степную волю, от порыва ветра и ночного шороха готовых вспыхнуть как порох.

15.04.2020